ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 2 | 2025. Volume 18. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Интертекстуальные стратегии в раннем рассказе С. Довлатова «Спасите наши уши!»

Хатнюк А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление интертекстуальных стратегий, используемых С. Довлатовым в раннем литературно-публицистическом творчестве. С этих позиций в статье рассмотрен рассказ «Спасите наши уши!», на уровне формы и содержания выделены литературные ассоциации рассказа с сатирическими традициями писателей-предшественников. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые ранний рассказ Довлатова рассматривается в аспекте интертекстуальности. В результате установлено, что интертекстуальные стратегии служат для организации разных уровней произведения: заглавие (авторская контаминация устойчивого выражения); повествовательная манера (сатирическая стилизация от первого лица с использованием разговорной лексики и синтаксиса); мотивно-образная система (мотив мнимой вежливости, мотив непонимания, мотив смиренного интеллигента), поддерживаемая прямым цитированием, которое создаёт комический эффект; ключевые слова-смыслы («уши», «постричься», «парикмахер» в качестве аллюзии на стихотворение В. Маяковского «Ничего не понимают»). Также продемонстрировано значительное влияние традиций писателей-сатириков – А. Аверченко и М. Зощенко – на идиостиль раннего С. Довлатова.

EN

Intertextual strategies in S. Dovlatov's early short story "Save Our Ears!"

A. V. Khatniuk

Abstract. The aim of the research is to identify intertextual strategies used by S. Dovlatov in his early literary and journalistic work. From these positions, the article examines the short story "Save Our Ears!", highlighting literary associations of the story with the satirical traditions of previous writers at the level of form and content. The scientific novelty of the research lies in the fact that this is the first time that Dovlatov's early short story is considered in the aspect of intertextuality. As a result, it was established that intertextual strategies serve to organize different levels of the work: the title (the author's contamination of a set expression); the narrative manner (satirical stylization from the first person using colloquial vocabulary and syntax); the motif-image system (the motif of false politeness, the motif of misunderstanding, the motif of a humble intellectual), supported by direct quotation, which creates a comic effect; key words-meanings ("ears", "get a haircut", "hairdresser" as an allusion to the poem by V. Mayakovsky "They Understand Nothing"). The significant influence of the traditions of satirical writers – A. Averchenko and M. Zoshchenko – on the idiostyle of the early S. Dovlatov is also demonstrated.

Введение

Дискуссионным термином «интертекстуальность» характеризуются, как правило, тексты периода постмодернизма, где игра с читателем, основанная на узнавании «текста в тексте», является смыслопорождающим инструментом.

Рассмотрение любого художественного произведения в аспекте интертекстуальности возможно благодаря сложившемуся так называемому широкому подходу. Автор термина, теоретик постструктурализма Ю. Кристева, определяла особое положение литературного слова, имеющего два вектора: горизонтальный («слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю» (1993, с. 429)) и вертикальный («слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных» (1993, с. 429)). Эта идея берёт своё начало в трудах М. М. Бахтина о полифоничности, где учёный выдвинул тезис о постоянном диалоге автора с литературой предшественников и современников. Идею интертекстуальности расширил французский теоретик Р. Барт, считавший, что текст и в процессе написания, и в процессе чтения имеет выходы на другие тексты – через множество культурных кодов, которые

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250090

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

обнаруживаются явно или уже затемнили свою первооснову. По словам Барта, цель анализа смыслообразования – «увидеть, как текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве» (1989, с. 424). Таким образом, свойство интертекстуальности не сводится только к поиску источников заимствований, это свойство тесно связано с ролью читателя, особенно с его культурным багажом, который позволяет порождать более глубокие смыслы на основе различных ассоциаций. «Вполне допустимо утверждать, что практически любой создаваемый ныне текст является средством межкультурной коммуникации как с речевым прошлым человечества, так и с его будущим» (Гогина, 2014, с. 139).

Так называемая компетенция читателя (при условии высокой развитости) способствует выделению интертекстуальных связей с предшествующими текстами. Процесс расшифровки культурных кодов не имеет определённой «правильности», он зависит от позиции читателя. Литература, будучи особым искусством слова – и знака, и символа, – по своей сути располагает к наличию непреходящих элементов, способных повторяться, хоть и в некоторых вариациях. Каноны жанровых форм, бродячие сюжеты, композиционные приёмы, повествовательные стратегии, «вечные темы и образы», «общие места», повторяющиеся лейтмотивы, мифологемы, архетипы – широкий набор для диалога произведений разных эпох, исторических формаций и культур.

Присутствие одного текста в другом возможно благодаря использованию (явному или имплицитному) автором интертекстуальных стратегий, основанных на различных приёмах: цитировании, диалогичности, технике «лоскутного письма», аллюзии, реминисценции, введении прецедентных маркеров, переработке тем и сюжетов, стилизации, пародировании и др. Любая из стратегий способна привнести в создаваемое произведение новый пласт смыслов, породить подтекст и даже охарактеризовать личность самого автора. «Экспрессивная функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т. д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора» (Файзуллаева, 2024, с. 442).

Особый интерес в аспекте интертекстуальности представляет собой творчество Сергея Довлатова. Немало литературоведческих исследований посвящено анализу его знаковых произведений через призму наследия литературных предшественников. Так, были рассмотрены переклички с творчеством М. Ю. Лермонтова (Доброзракова, 2011b), Ф. М. Достоевского (Доброзракова, 2011a; Власова, 2019b), А. П. Чехова (Доброзракова, 2011c), А. И. Солженицына (Малащенко, 2019). Предметом научного осмысления также становились некоторые особенности прозы Довлатова: автоинтертекстуальный подтекст (Власова, 2019a), интердискурсивность (Бобыкина, 2022). В указанных работах обобщённо «были сделаны выводы о прочной связи современной по своему характеру прозы Довлатова с традицией русской классической литературы» (Богданова, Власова, 2020, с. 417).

Данная статья посвящена рассмотрению интертекстуальных стратегий, используемых С. Довлатовым в рассказе «Спасите наши уши!». Это одна из миниатюр, созданных Довлатовым на заре литературной деятельности, когда он начинал сотрудничать в журналах и газетах Советского Союза. Изучение ранних произведений, представляющих симбиоз публицистики и художественной литературы, затруднено по нескольким причинам. Первая и основная – Довлатов очень часто пользовался псевдонимами, а в дальнейшем в своём завещании наложил запрет на переиздание ранних публикаций, вышедших в СССР. Тем не менее эти произведения представляют особый научный интерес. Как отмечает Г. А. Доброзракова (2014), «опыт создания примерно полусотни юморесок и фельетонов не прошёл даром: автор научился находить комическое и абсурдное в самых обычных житейских мелочах, а главная примета ранних журнально-газетных комических произведений Довлатова – концовка, содержащая остроумное выражение или неожиданный вывод (пуант), – стала одной из основных особенностей поэтики его художественного творчества». Исследование ранних произведений как источника оформившихся зрелых тенденций поэтики Довлатова объясняет актуальность данной работы.

Для достижения вышеуказанной цели решались следующие задачи: определение вербально выраженных маркеров интертекстуальности; выстраивание литературных ассоциаций между выделенными элементами и идейным содержанием рассказа Довлатова.

Материалом для исследования послужили художественные произведения русской литературы:

- Аверченко А. Т. Юмористические рассказы, фельетоны разных лет. http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/;
- Булгаков М. А. Рассказы, очерки, фельетоны. https://lib.ru/BULGAKOW/feliet3.txt;
- Довлатов С. Д. Спасите наши уши! // Крокодил. 1971. № 25. https://ru-dovlatov.livejournal.com/40185.html;
- Зощенко М. М. Сатира и юмор 20-х – 30-х годов. https://www.lib.ru/RUSSLIT/ZOSHENKO/izbrannoe20-30.txt;
- Маяковский В. В. Ничего не понимают. 1913. https://slova.org.ru/mayakovskiy/nichegoneponimajut/.

Теоретической базой исследования стали работы, касающиеся определения интертекстуальности как одного из свойств художественного произведения: Р. Барта (1989), Ю. Кристевой (1993), Л. П. Гогиной (2014), Х. Э. Файзуллаевой (2024); литературоведческие исследования интертекстуальных взаимосвязей творчества С. Довлатова с классической литературой: Г. А. Доброзраковой (2011a; 2011b; 2011c), В. В. Малащенко (2019), Е. А. Власовой (2019a; 2019b), О. В. Богдановой, Е. А. Власовой (2020).

В ходе работы применялись следующие методы исследования: мотивный – с целью выявления сквозных мотивов; сопоставительно-типологический – для «встраивания» анализируемого произведения в широкий контекст русской литературы; интертекстуальный – для установления соприсутствия в рассказе Довлатова «чужого слова».

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционного и практического материала в курсах по введению в литературоведение, в курсах литературы русского зарубежья.

Обсуждение и результаты

Рассказ «Спасите наши уши!» был напечатан в журнале «Крокодил» в 1971 году. В центре повествования – случай, который произошёл с рассказчиком, решившим посетить парикмахерскую. Вполне будничная, бытовая зарисовка из жизни советских граждан. Но, как мы понимаем, в сатирическом журнале обыденная ситуация непременно подавалась в особом свете.

Традиция обличать действительность, искажённую социальными пороками, сложилась задолго до появления нового социалистического государства. Эта традиция берёт начало ещё со времён царского режима, который также подвергался критике со страниц передовых журналов. Достаточно вспомнить разоблачительные фельетоны А. И. Герцена, публиковавшиеся в «Отечественных записках» и «Колоколе», или сатирические очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина, выходившие в «Свистке» (сатирическое приложение к журналу «Современник»).

Свой расцвет жанр фельетона получил в XX веке: политические деятели и политическая обстановка, положение народа, войны и дела на международной арене неоднократно становились мишенями для сатирического изображения Н. А. Тэффи, Саши Чёрного, И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Олеши. Параллельно этому на страницах периодики появлялись произведения, обращённые к действительности, буквально окружающей советских граждан, – мир сферы услуг, общественный транспорт, культурно-развлекательные заведения – и действительность эта была совсем не радужной. Человеческие недостатки и пороки, помноженные на неистребимые в любые времена взяточничество, чинопочитание и бюрократическую волокиту, составляли предмет обличения А. Аверченко, М. Зощенко, М. Булгакова (публиковались в «Сатириконе», «Новом сатириконе», «Гудке»).

Насыщенная история становления и развития жанра привела к тому, что многие очерки, критические статьи, юмористические рассказы, представляющие собой художественно-публицистические произведения, по некоторым признакам тяготеют именно к фельетону: пародийность других жанров, незамысловатость композиции, сатирическое начало, злободневность.

«Прорастание» жанровых особенностей, используемых предшественниками-фельетонистами, наблюдаем и в полотне рассказа С. Довлатова «Спасите наши уши!». Первое, на чём заострим внимание, – это заглавие. Находясь в сильной позиции, оно непременно должно выполнить несколько функций: не только дать наименование, но и выразить концептуальную мысль, обозначить авторскую позицию, привлечь внимание читателя. Для реализации этих функций С. Довлатов, подбирая заглавие, пользуется стратегией, излюбленной у А. Аверченко.

Стратегия такова: для заголовка избирается прецедентный текст, находящийся на слуху у более-менее образованной публики. В основном в заголовки А. Аверченко попадают названия классических или современных автору книг – «Мёртвые души» (1912), «Отцы и дети» (1915), «Простое как мычание» (1917), «Живой труп» (1921); а также отсылки к ним: «Луч света во тьме» (1914) – аллюзия на критическую статью Н. А. Добролюбова «Луч света в тёмном царстве»; «Как хороши, как свежи были…» (1919) – первая строчка стихотворения «Розы» И. Мятлева; «Головотяпы» (1918) – название собирательного образа из сатирического романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»; «Дядя Митяй и дядя Миняй» – персонажи поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»; «Новая Елена Молоховец, или Советская поваренная книга» (1919) – отсылка к популярной советской кулинарной книге Е. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам».

Также в качестве прецедентных текстов, попадающих в заглавие, А. Аверченко используются устойчивые выражения разных видов: «С корнем» (1914), «Шиворот-навыворот» (1914), «Дар данайцев» (1917), «Добрая душа» (1917), «Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй» (1917), «Нет худа без добра» (1917), «Первая ласточка» (1918). Нередко выражения подвергаются трансформации: «Недержание слова» (1917), «Глас вопиющего с трибуны» (1917), «Родители первого сорта» (1917), «Вся власть – мне» (1917), «Благодетельницы рода человеческого» (1919), «Крыса с корабля» (1919), «Англия тронулась» (1920), «Бык, схваченный за рога» (1920), «Летучие голландцы» (1920), «Смех сквозь это самое» (1920). Создаваемая Аверченко контаминация призывает читателя включиться в предлагаемую автором игру слов, влекущую за собой и игру смыслов. Обилие примеров свидетельствует о том, что избранный фельетонистом приём был весьма эффективным и продуктивным.

Заголовочная стилистика А. Аверченко звучит в заглавии рассказа С. Довлатова. Перед нами выразительная контаминация известного устойчивого выражения «Спасите наши души». Это один из вариантов перевода сигнала бедствия, передаваемого через радиотелеграфную связь. Изначально подаваемый азбукой Морзе сигнал («три точки – три тире – три точки», что соответствует буквам SOS) не имел расшифровки. “Save Our Souls” и другие варианты позже придумали моряки. Имея международное бытование, этот сигнал стал ассоциироваться с амбивалентной ситуацией: с одной стороны – отчаяние и безысходность бедственного положения, с другой же – надежда на спасение, вера в скорейшее избавление от беды.

Довлатов заимствует этот прецедентный текст и заменяет последний компонент, делая это очень искусно, оставляя похожее звучание: «души» – «уши». Такая трансформация как бы «снижает» посыл выражения: для русскоговорящего читателя понятие души является концептуальным, обладает символическим значением возвышенного; уши же – вполне осязаемый, самый обыкновенный и невыдающийся элемент физиологии человека. Эта замена ведёт к тому, что читатель, опираясь на заглавие, строит догадки: о чём таком земном далее пойдёт речь (о сильных морозах, о неприятных звуках).

Не затягивая интригу, Довлатов (1971) в первом же предложении даёт ответ: «Как-то раз пришла мне в голову рядовая мысль постричься». Опытный читатель, знакомый с поэзией Серебряного века, по двум ключевым

сигналам – «уши», «постричься» – «услышит» слово В. Маяковского (1913), вспомнит его раннее стихотворение «Ничего не понимают», начинающееся так: «Вошёл к парикмахеру, сказал – спокойный! / “Будьте добры, причешите мне уши”». На этом интертекстуальном коде остановимся ниже, когда речь пойдёт о содержании рассказа.

По-своему интертекстуальна нарративная стратегия, которая становится ясна из начального предложения, – повествование от первого лица: рассказчик = герой. Такая манера изложения отсылает читателя к рассказам и юморескам М. Зощенко. Его повествователь – и наблюдатель, и участник многих курьёзных случаев, которые происходят в самых различных ситуациях: начиная от общественной бани и заканчивая театральным буфетом. Рассказчик Зощенко – всевидящее око, через сознание которого показан быт советского обывателя; речь повествователя максимально приближается к стилистике речи этого обывателя (специфический синтаксис, просторечная лексика, разговорная фразеология). Нередко произведение строится на воспроизведённом рассказчиком диалоге с представителем той или иной профессии: врачом, весовщиком на товарной станции, работником столовой и пр. Такая стратегия избирается автором от произведения к произведению как средство создания эффекта присутствия, призванного усилить достоверность, реальность изображаемых происшествий.

Этот же принцип правдоподобного бытописания исповедовал М. Булгаков («Золотые документы (Из моей коллекции)», 1924): «Когда описываешь советский быт, товарищи писатели земли русской, а в особенности заграничной, не нужно никогда врать». Писатель многие сатирические произведения публиковал как фрагменты документов, присланных жалоб и прошений или в качестве фактов, собранных коллегами-корреспондентами.

В рассказе С. Довлатова ощутим намёк на повествовательную манеру М. Зощенко: его герой-рассказчик делится с читателем историей своего похода в парикмахерскую. По стилистике история приближается к живой разговорной речи за счёт использования Довлатовым (1971) инверсии, парцелляции: «Захожу я в парикмахерскую…»; «Сыграли в шашки. Покурили»; разговорной фразеологии (в репликах парикмахера): «сколько лет, сколько зим»; «давай-ка перейдём на “ты”»; «маху дал»; «всё будет в ажуре». В центре так же, как часто у Зощенко, представлен диалог.

Коротко о сюжете рассказа: герой-повествователь приходит в парикмахерскую с вполне очевидной целью, однако получает всё, кроме желаемой услуги: угощается яблоком, играет в шашки, курит, поёт песню. А когда парикмахер всё-таки берётся за дело, остаётся без уха и без носа. Но история не становится кровавой драмой, наоборот, обретает черты абсурдной фантасмагорической комедии.

Для усиления сатирического эффекта С. Довлатов (1971) использует самый распространённый интертекстуальный ход – помещает в рассказ цитату: «“Ничто не стоит нам так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость!” Сервантес». Это реплика заглавного героя романа Мигеля де Сервантеса Сааведра «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Примечательно, что этот роман изначально создавался как пародийный, в нём автор намеренно снижает образ рыцаря, «опрокидывая» его подвиги во имя возлюбленной.

Точно так же С. Довлатов (1971) подвергает «переворачиванию» глубинный смысл этой «поистине мудрой мысли» – как подумал о ней рассказчик. Дело в том, что упомянутая цитата размещена на плакате, который висит на стене в парикмахерской, и служит официальным девизом для работников сферы оказания услуг. И на самом деле: парикмахер вежлив донельзя, интересуется здоровьем жены и детей, расцеловывает посетителя за повышение на работе, любезничает. Но не стрижёт!

И здесь настойчиво, на наш взгляд, продолжает звучать «голос» Маяковского – и его строки из упомянутого уже стихотворения «Ничего не понимают». Вспомним, как реагирует мастер на экстравагантную просьбу посетителя: «Гладкий парикмахер сразу стал хвойный, / лицо вытянулось, как у груши. / “Сумасшедший! / Рыжий!” – / запрыгали слова. / Ругань металась от писка до писка…» (Маяковский, 1913). Никакой вежливости и в помине нет: парикмахер ощетинился, бросает колкости («хвойный»), ругается. Герой вынужден под хохот наблюдающей толпы уйти ни с чем. Разумеется, в этом раннем стихотворении Маяковского противостоят другие категории, нежели в рассказе Довлатова: одинокий и непонятый тонкий лирический герой – и толпа обывателей, чьим ярким представителем (максимально «обытовлённым») становится парикмахер. Однако мотив понимания, проявления простой человеческой вежливости в стихотворении тоже звучит.

И вот спустя более полувека, когда уже Советское государство пребывает в расцвете, появляется другое произведение: с образами вежливейшего парикмахера и интеллигентного посетителя. Однако и здесь рисуется похожая ситуация: просьба клиента в должном виде тоже не исполняется.

Довлатов идёт дальше, он показывает доведённую до абсурда вежливость, которая теряет собственный смысл. Перестаравшись с хорошими манерами, парикмахер затягивает на шее рассказчика простыню морским узлом, чуть не задушив его; во время стрижки отрезает кусочек уха, а когда приступает к бритью – «раз – и носа как не бывало» (Довлатов, 1971). И всё это с «пардоном», с осознанием своей оплошности.

Вежлив до конца остаётся и герой-рассказчик. Он принимает эту «игру», до конца терпит происходящее, даже шутит: «Уха не жалко. У меня второе есть» (Довлатов, 1971). А после членовредительства не закатывает скандала, даже голоса не повышает. Довлатов (1971) в принципе ни одной его прямой реплики больше не озвучивает, а помещает ряд действий в цепочку однородных – как будто так и должен реагировать человек на проявленную «вежливость»: «Тут уже я не выдержал, вскочил, *рассчитался* (курсив автора статьи. – *А. Х.*), голову простынёй обмотал, чтобы прохожих не травмировать, и – ходу в поликлинику».

Писатель иронизирует над типичной реакцией интеллигента. Это подтрунивание ощущалось ещё и до случая в парикмахерской. Своё ироничное отношение автор воплощает через прецедентные имена. Герой признаётся, что это он даже не сам собрался стричься, а жена намекнула: «Ты бы, Сергей, постригся, а то совсем стал на Бетховена похож» (Довлатов, 1971). Сергей – включение автобиографического начала, возводящее

происходящее в статус «всамделишности»; а Бетховен – мягкая шпилька в адрес интеллигенции. В семье не только слышали Бетховена, но и видели его портрет, а вывод делают не об искусстве, а о степени волосатости.

Финальным ударом по вежливости в рассказе становится заключение. Герой, оказавшись в поликлинике, замечает на стене такой же плакат о вежливости; видит, как к нему навстречу уже радостно спешит хирург с точно такими же репликами, как и в начале рассказа парикмахер. Так кольцевая композиция закрепляет мысль о бесконечности рисуемой проблемы. Не хватало только, чтобы отрезанный нос зажил своей жизнью, а такое происшествие в классической литературе уже описано. И действительно, творчество Н. В. Гоголя во многом служит отправной точкой для дальнейших фантасмагорий и размышлений над абсурдом бытия.

Мотивы отношений между специалистами и посетителями, проявления мнимой вежливости и учтивости, терпения и принятия такого отношения с другой стороны звучат и в рассказах М. Зощенко. Например, «Плохой обычай» (1924) о фельдшере, который чуть не сварил в горячей ванне пациента, стараясь «отработать» полученные от него в качестве благодарности деньги. Или рассказ «Валя» (1938) о вежливой и обходительной кондукторше, которая последними словами откостерила двух пассажиров, желавших узнать её фамилию, чтобы написать благодарность именно за приятное отношение.

Сложно утверждать, был ли знаком Довлатов конкретно с этими произведениями, однако созвучные мотивы в его рассказе «Спасите наши уши!» позволяют говорить об универсальности поднимаемой сатириками проблемы.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. Раннее литературно-публицистическое творчество С. Довлатова представляет собой опытную лабораторию слова, где формировался неповторимый стиль будущего прозаика. Опираясь на опыт предшественников-сатириков, писатель создаёт собственный художественный мир, вбирающий в себя и по-своему осваивающий «чужой голос».

Интертекстуальность – одно из ведущих свойств прозы С. Довлатова. В раннем рассказе «Спасите наши уши!» удалось определить несколько вербально выраженных маркеров интертекстуальности: прямое цитирование (афоризм Сервантеса), использование прецедентного текста (подвергнутого авторской контаминации в духе заголовков А. Аверченко) и прецедентных имён. Избранная Довлатовым повествовательная стратегия, подкрепляемая синтаксическими и лексическими средствами, отсылает к манере М. Зощенко; мотивная структура рассказа также имеет переклички с творчеством этого сатирика. Основные ключевые слова произведения – «уши», «постричься», «парикмахер» – становятся аллюзией на стихотворение В. Маяковского.

Данные литературные ассоциации позволяют Довлатову «приобщиться» к контексту предшествующей обличительной литературы и «встроиться» в ряд выдающихся русских и советских сатириков. Используемые писателем интертекстуальные стратегии выполняют текстообразующую и смыслопорождающую функции, а также позволяют читателю становиться соавтором произведения, вступая в игру по поиску и интерпретации оставленных явно или скрыто литературных «подсказок». Так рождаются новые ассоциации, способные усиливать идейное звучание и сатирический эффект рассказа.

Перспективой данного исследования видятся разыскание и анализ других ранних литературно-публицистических рассказов С. Довлатова, а также поиск в них интертекстуальных связей для более глубокой интерпретации и обоснования характеристик идиостиля автора, сформированного в более поздних произведениях.

Источники | References

1. Барт Р. Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
2. Бобыкина Е. Н. Интердискурсивность как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Иностранка» // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 4. https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-4-528-534
3. Богданова О. В., Власова Е. А. Интердискурсивность в повести С. Довлатова «Компромисс» // Российский гуманитарный журнал. 2020. № 6.
4. Власова Е. А. Автоинтертекстуальный подтекст повести С. Довлатова «Филиал»: трансформация смыслов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019a. Т. 12. Вып. 9.
5. Власова Е. А. Функции интертекстуальной аллюзии на «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского в произведении С. Д. Довлатова «Зона. Записки надзирателя» // Вопросы русской литературы. 2019b. № 2 (48/105).
6. Гогина Л. П. Применение принципа интертекстуальности в современном литературоведении // Дискуссия. 2014. № 5 (46).
7. Доброзракова Г. А. Достоевский в художественном сознании С. Довлатова // Вестник Самарского государственного университета. 2011a. № 85.
8. Доброзракова Г. А. Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2011b. № 7 (69).

9. Доброзракова Г. А. Псевдонимные юморески и фельетоны Сергея Довлатова: к вопросу атрибуции // Вопросы литературы. 2014. № 4. https://voplit.ru/article/psevdonimnye-yumoreski-i-feletony-sergeya-dovlatova-k-voprosu-atributsii/
10. Доброзракова Г. А. Чехов в прозе Сергея Довлатова // Известия Самарского научного центра РАН. 2011с. № 2-2.
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4.
12. Малащенко В. В. А. И. Солженицын в рецепции С. Довлатова (на материале художественной и публицистической прозы, эпистолярного наследия) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2019. № 1.
13. Файзуллаева Х. Э. Интертекстуальность и её функции в литературе // ORIENSS. 2024. № 11.

Информация об авторах | Author information

RU

Хатнюк Артём Вадимович[1]
[1] Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

EN

Artem Vadymovych Khatniuk[1]
[1] Heilongjiang University, Harbin, The People's Republic of China

[1] *artem.khatnyuk1@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.02.2025; опубликовано online (published online): 19.02.2025.

Ключевые слова (keywords): интертекстуальность; прецедентный текст; рассказ «Спасите наши уши!»; сатира; С. Довлатов; intertextuality; precedent text; short story "Save Our Ears!"; satire; S. Dovlatov.